

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ДЖОРДЖА Ф. КЕННАНА (май–сентябрь 1952 г.) В.А. Райкова (Санкт-Петербург)

Дж.Ф. Кеннан – известный американский дипломат, политический и общественный деятель, историк, публицист, социальный философ, чье имя традиционно ассоциируется с «доктриной сдерживания» СССР и коммунизма, сформулированной в первые послевоенные годы. Однако в его жизни были и другие важные эпизоды, оказавшие значительное влияние на развитие советско-американских отношений. Одним из таких можно считать короткое и драматичное пребывание Кеннана в СССР в качестве американского посла в мае – сентябре 1952 г.

Кандидатура Кеннана вызвала ожесточенные споры в американском руководстве, учитывая его расхождение с официальным Вашингтоном по поводу советской политики и возможности использовать ядерного оружия во время Корейской войны. Однако, в конечном счете, за него сыграл фактор опыта и реноме одного из самых авторитетных советологов – еще в 1933 – 1937 гг. Дж. Кеннан занимал должность третьего секретаря в американском посольстве в СССР, а в 1944 – 1946 гг. являлся советником посла по политическим вопросам.

Кеннан ощущал свою ответственность за развитие советско-американских отношений и согласился возглавить посольство. В беседе с Ч. Боулном осенью 1951 г. Кеннан признавался: «среди всей работы в мире – эта была той, отказаться от которой я имел минимальное право» [3, р. 119], повторив эту мысль и в мемуарах: «мне было бы особенно трудно отказаться от назначения послом в Советский Союз – это значило отказаться от задачи, к которой меня готовила вся карьера, если она вообще к чему-то меня готовила» [4, р. 106]. Кроме того, несмотря на богатый дипломатический опыт, Кеннан официально никогда не был послом и ему было интересно попробовать себя в этом новом качестве.

Накануне отъезда Кеннана в Москву, президент Трумэн встретился с ним, но ограничился неформальной беседой и не дал никаких официальных инструкций [4, р. 107]. Госсекретарь Дин Ачесон также удержался от каких-либо напутствий и рекомендаций. В итоге, как позднее вспоминал Кеннан: «я не имел абсолютно никаких инструкций ни от госсекретаря, ни от президента, или хотя бы какого-то руководства относительно их отношения к таким острым проблемам, как

Германия, корейское перемирие, дискуссия о демилитаризации в ООН и другие» [4, р. 108]. Он считал, что тем самым руководство демонстрировало пренебрежение к московской миссии.

5 мая 1952 г. Дж. Кеннан прибыл в Москву, встретив теплый прием: на официальных встречах с советским министром иностранных дел А.Я. Вышинским и председателем Президиума Верховного Совета Н.М. Шверником стороны заявляли о взаимном стремлении к пониманию и сотрудничеству. Однако очень скоро стало понятно, что добиться открытого диалога с советским руководством будет практически нереально. В письме Трумэну, написанном в августе, посол отмечал: «здесь просто нет реальных каналов для обмена мнениями и хотя мы сохранием большое посольство в центре Москвы, мы настолько отрезаны и игнорируем советским правительством, что создается впечатление будто между нами вовсе нет дипломатических отношений» [5, р. 1035].

Один из вопросов, часто задаваемых Дж. Кеннану впоследствии, почему он не добивался прямого контакта со Сталиным и не стремился прояснить будущий характер американо-советских отношений в личной беседе. Ответ дипломата был таков: «я не знал, что сказать Сталину от имени правительства Соединенных Штатов. Я не имел...инструкции, которая дала бы мне какую-то идею о том, что я должен был бы сказать ему...» [2, р. 41]. Отсутствие нормального общения с представителями советского государства огорчало и угнетало Кеннана, делало невозможным обсуждение каких-либо вопросов. Еще большее раздражение вызывал у Кеннана режим полной изоляции, в котором оказались иностранцы в Москве. Пресечение любых попыток установить контакты с местным населением, запрет путешествовать по стране, постоянное сопровождение сотрудниками НКВД заставляли дипломатов чувствовать себя находящимися под арестом.

Профессиональная деятельность Кеннана в первое время после прибытия в СССР была связана с изучением развернувшейся в советском обществе активной антиамериканской кампании, сосредоточенной на использовании американцами в Корее бактериологического оружия и негуманном обращением с северокорейскими пленными. В ряде аналитических донесений Кеннан отмечал, что новая вспышка антиамериканизма отличается от хорошо известной и ставшей уже привычной советской пропаганды не только степенью интенсивности и жесткостью высказываний, но и внутренними побудителями. По его мнению, главным мотивом советского руководства при принятии решения о начале кампании стало стремление отвлечь граждан от трудностей внутри советского блока и переключить их внимание на международные проблемы [5, р. 987 – 1000]. Основываясь на донесениях Кеннана, Ачесон выразил в беседе с советским послом в США глубокую обеспокоенность озлобленной антиамериканской кампанией и не исключил возможность подать официальный протест руководству Советского Союза в этой связи [5, р. 986]. До официальной ноты дело не дошло, хотя Кеннан в своих докладах не оставлял попыток обратить внимание госсекретаря на проблемы антиамериканской кампании, добиваясь более решительной реакции Вашингтона.

Внимательно изучив состояние дел в московском посольстве, Кеннан отметил два тревожащих его факта: усложнение процедуры дипломатического документооборота и чрезмерное увлечение разведывательной деятельностью. Активное вовлечение сотрудников посольства в шпионаж, поощряемое военными ведомствами и спецслужбами, рассматривалось им не только как наносящее существенный вред нормальной дипломатической работе, но и подвергающее значительному риску дипломатов и членов их семей. Он предлагал госсекретарю обратиться с призывом к руководителям спецслужб США и указать им на то, что

поощрение шпионажа среди дипломатических представителей в Москве наносит ущерб американским интересам и ставит под угрозу жизнь и свободу дипломатов. Кроме того, Кеннан настаивал на необходимости издать официальное распоряжение об ограничении любой публичной деятельности дипломатов, которая могла бы расцениваться советским правосудием как нелегитимная и нарушающая законодательство СССР [5, р. 1004 – 1009]. Полностью разделяя озабоченность посла, Боулен, Мэтьюс и другие сотрудники Госдепартамента провели неофициальные беседы с руководителями спецслужб, достигнув договоренности о сотрудничестве и признании приоритетности дипломатических интересов.

При изучении кеннановской деятельности в Москве в 1952 г. бросается в глаза отсутствие столь свойственных ему аналитических докладов, посвященных не текущим вопросам, а общей ситуации в СССР и возможному развитию американо-советских отношений. Судя по мемуарам, записям в дневнике, а также многочисленным интервью Кеннана – это был его осознанный выбор, слишком иллюзорной ему казалась возможность повлиять на что-либо. Единственным исключением стало донесение «Советский Союз и Атлантический пакт», отправленное в Госдепартамент 8 сентября 1952 г. [4, р. 327 – 351]. Донесение проникнуто твердой убежденностью автора, что создание НАТО было вызвано неверным пониманием на Западе советской угрозы как преимущественно военной. Кеннан предостерегал западные державы от «чрезмерного бряцания оружием ... заявлений, которые создают угрозу военных действий против Советского Союза, слов или действий, которые могут рассматриваться как свидетельствующие о неизбежности или даже вероятности войны» [4, р. 348]. В донесении Кеннан повторял характерную для него мысль о нежелании СССР начинать войну с Западом и рассматривал действия США и их союзников как провоцирующие Кремль на ответную агрессию. Тем самым, он фактически переносил ответственность за возможное возникновение вооруженного конфликта на западные державы, хотя и признавал, что война – это всегда взаимное столкновение интересов разных сторон.

В сентябре 1952 г. Дж. Кеннан отправился из Москвы в Лондон на встречу американских дипломатов, аккредитованных в Европе. По пути он совершил остановку в Западном Берлине, в аэропорту которого 19 сентября дал интервью журналистам, которых интересовали условия пребывания иностранных представителей в Советском Союзе. Подобные вопросы вызывали у Кеннана недоумение, смешанное с раздражением, т.к. на его взгляд речь шла об очевидных вещах, повторять которые нет необходимости. В мемуарах он так описывал берлинскую пресс-конференцию: «Журналисты задавали ожидаемые вопросы. Я быстро произносил заготовленные ответы. Но вдруг молодой репортер спросил меня: есть ли у нашего посольства в Москве связи с русскими. Этот вопрос вызвал мое раздражение ... Режим изоляции западных дипломатов в Москве существует, по меньшей мере, два десятилетия. Как мог журналист не знать об этом?... "Неужели Вы не знаете, как иностранные дипломаты живут в Москве?" – спросил я. "Нет" – ответил репортер, "как они живут?"... Я ответил: "Я был интернирован в Германии на несколько месяцев в ходе недавней войны. Условия, в которых мы находимся в Москве точно такие же, как условия, в которых находились интернированные, за исключение того, что в Москве мы обладаем свободой выйти и гулять по улицам под охраной"» [4, р. 158 – 159].

Сделанное Кеннаном сравнение условий в СССР и нацистской Германии имело огромный резонанс. 26 сентября 1952 г. в «Правде» появилась редакционная статья, в которой сообщалось, что американский посол, прилетевший в Западный Берлин из Москвы, сделал клеветническое заявление для прессы и пока-

зал себя лжецом и заклятым врагом Советского Союза [1, с. 1]. 3 октября министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский передал представителю американского посольства ноту, объявляющую Кеннана персоной нон-грата и настаивающую на его немедленной отставке с должности посла в СССР. Госсекретарь Аcheson с самого начала инцидента выражал полную поддержку послу, отметив в заявлении для прессы: «Посол Кеннан признан не только в нашей стране, но во всем мире как человек, прекрасно знающий Советский Союз и симпатизирующий законным стремлениям русских людей» [5, р. 1053]. В ноябре 1952 г. Кеннан вернулся в США, но вплоть до 1961 г. занимался научной и общественной деятельностью.

Таким образом, третье официальное пребывание Дж. Кеннана в Москве закончилось быстро и безрезультатно. Объявление его персоной нон-грата и последующую отставку он воспринимал как профессиональное поражение, ставшее одним из самых тягостных и болезненных воспоминаний. Пытаясь осознать причины произошедшего, Кеннан признавал, что был «чрезмерно эмоционален, чрезмерно впечатлителен, чрезмерно чувствителен и чрезмерно озабочен важностью собственного мнения», чтобы спокойно жить в Москве и не пытаться сломать неформальную практику отношений между представителями советского государства и иностранными дипломатами [4, р. 166 – 167].

1. Правда. – 1952. – 26 сентября. – С. 1.
2. Encounters with Kennan. The Great Debate. – London: Frank Cass and Company, 1979. – 218 p.
3. Hixson, W. George F. Kennan: Cold War Iconoclast / W. Hixson. – New York: Columbia University Press, 1989. – 381 p.
4. Kennan, G.F. Memoirs, 1950 – 1963 / G.F. Kennan. – Boston: Little, Brown, 1972. – 470 p.
5. Foreign Relations of the United States. 1952 – 1954. Vol. VIII. Eastern Europe, Soviet Union, Eastern Mediterranean. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1988. – 1463 p.